

А когда направление его мыслей
Совпало с линиями её тела,
Он не выдержал,
И вышел на встречную,
И пошел влобовую.
А ночью они столкнулись,
Да так нежно, так по-настоящему,
Что не заметили, как за окном
Старый октябрь раздевает
Пьяную рыжую осень.

Медленно течет время в старом вине,
И шар мой земной
Кажется елочной игрушкой
В его солнечном измерении.

Однажды Бог призвал меня,
Пока мой врач принимал медсестру.
Я взял вино и гитару
И отправился на тот еще свет.
Я пел ему про женщину
Непреклонного возраста,
Про облысевшие крылья ангела,
Про пьяную Еву на Мытном рынке.
Бог смеялся, и плакал,
И целовал меня в темечко.
А когда кончилось вино,
Велел собираться домой,
Потому что старенькая мама волнуется,
Потому что не все дела еще сделаны,
Потому что поверил в меня.

Время уходит –
А я остаюсь.

Время, забытое в отцовских часах,
Оказалось холодной зимой,
Когда слово «баня»
Звучало как заклинание.
И каждую пятницу
Отец приходил с работы пораньше,
Брал меня за руку,
И мы ехали в продрогшем трамвае
В это царство голых мужиков
И легко пара,
Где не было ни бедных, ни богатых,
Где все были по-разному равны
И внимательны друг к другу,
Где в парной, как в церкви,
Мужики берегли тишину,
Забываясь в своих маленьких надеждах.

А самое главное
Начиналось потом в буфете,
В этом шумном мужском братстве,
С пивом, с воблой,
С анекдотами про Брежнева.
Куда же подевалось это зимнее тепло?
И кто тогда мог подумать,
Что это была репетиция рая.

* * *

Любимый поэт – Рыжий,
Любимый писатель – Белый,
Любимая актриса – Зеленая,
Любимый город – Горький.

Она была его репетитором,
И подругой сестры,
И еще не замужем.
Он приходил к ней два раза в неделю
После уроков подтягивать математику.
Это был не самый любимый его предмет,
И у него не все получалось.
Однажды она подсказала ему
Очень непростое решение,
И они плавно перешли от дела к телу.
Она научила его быть смелым в числителе
И нежным в знаменателе,

А лучше всего у них получалась
Перемена мест слагаемых.
В общем он хорошо подготовился,
И неплохо сдал экзамены,
И поступил в институт.
А в июне она вышла замуж.
Они не виделись целое лето
И встретились только в октябре,
На дне рождения сестры,
И даже целовались на балконе,
Но как-то не так.
Видимо, изменились слагаемые.

* * *

Любовь не главное,
Пока секс – приключение.

* * *

Утро пахло сиреневым сном
И еще не разбуженным светом.
Чей-то голос бродил под окном
И на завтрак курил сигарету.
Чья-то книга смеялась в углу
На семнадцатой смятой странице.
Чей-то дом обходил за версту
Сероглазый поэт из столицы.
Я его не встречал никогда,
Разминулись, наверное, годы.
Отчего же мне так хорошо
В эти светлые дни непогоды?..

Саня был весёлого нрава,
Красивого роста, но один.
Один, потому что первые две попытки
Семейной жизни были неудачными,
А последнюю, третью,
Как настоящий в прошлом спортсмен,
Он берёт.
Саня был из поколения романтиков
И по закону приключений
Всерьёз исколесил свою судьбу.
А когда то,
Что вызывало раньше улыбку,
Стало причёской, он не расстроился,
А просто решил не возвращаться.

Говорят,
Он рерихнулся где-то на Эльбрусе
И остался инструктором не то по сексу,
Не то по приключениям.
Говорят,
Третья попытка была удачной:
Он разбился, но спас.
А ещё говорят,
В наш город приезжала женщина –
Очень красивая,
С маленьким Санькой на руках.

* * *

– А есть ли они, крылья? –

Спросила она.

– Есть, просто погода бывает нелетная, –

Ответил он.

* * *

В нашем городе пить – это есть,
А любить – это спать.
Наши женщины мечтают
Выйти замуж за футболистов
И рожать от них голы.
Наш город беременный смертью,
Как футбольное минное поле,
И нам его не перейти.
Это могут только
Полосатые люди в трусах
Со свистком на груди,
Говорят, в прошлой жизни
Они были учёными зебрами,
И с ними нам не по пути.

Рожденные
На Северном поселке Автозавода
Во дворе трехэтажного мата,
Мы точно знали,
Что жизнь – это праздник,
Если не мешать
Пиво с водкой,
Дружбу с блатными,
Милицию с рок-н-роллом.
Мы делали все, чтобы про нас услышали
«Голос Америки», «Радио Свободы»
И, конечно же, та девчонка,
Ради которой мы мешали
Пиво с водкой,
Дружбу с блатными,
Милицию с рок-н-роллом.

* * *

На часах моих осень,
Моя песенка спета,
Во мне сто коньяка,
Вот и кончилось лето.
Я бреду по ковру
Золотого распада,
Я еще поживу,
Если вам это надо.

* * *

Как мы пели, друзья,
Как мы пили!
У соседей рыдали коты,
На «сухие законы» мочились
И со временем были на ты,
Как стихами латали закаты
И дождями смывали грехи,
Как селились в воздушные замки,
Как мы были богато бедны,
Как не верили в разные беды,
Как любовью сжигали мосты...
Мы всё те же, дружок,
Мы всё те же,
Только с временем стали на вы.

Пьяные гаражи наших отцов,
Где, перемазанные машинным маслом
И свежим воздухом,
Они легко разбирали на коленке
Двигатель двадцать четвертой «Волги»
И свою неудавшуюся жизнь.
И для них, условно свободных,
Вопрос: «Быть иль не быть?» –
Был, конечно, главным,
И они могли, но не стали,
И так и не научились подавать
Повод и руку подлецам,
И, оставаясь героями не нашего времени,
Согревали мир своим пьяным дыханием,
И учили нас быть собой.

И в бане остановленное время
Задумчиво молчит за кружкой пива
И воблюю стучится по столу.

*Алексею Хрынову,
Полковнику*

Наши поезда опаздывали по расписанию,
А жизнь была как любимый сериал,
Пока Лехе после первой серии
Не написали на мраморной плите:
«Зато как погуляли!» –
И не воткнули гитару вместо креста.
А он все улыбается на моих фотографиях
И приходит в мой сон,
Чтобы выпить и спеть.
А утром я варю себе кофе и думаю о Лехе,
Который просто остановил свои часы,
Потому что они перестали показывать
Его время.

Этой зимой
Старик подружился со смертью.
Она заглядывала почти каждый вечер,
И он ее ждал.
Они выпивали по маленькой
И, подолгу глядя в тишину,
Учили друг друга жить.

* * *

Девочка-птица

С глазами лилового лета,
С которой мы жили недолго,
Но счастливо,

Может от того, что недолго.

Нашу историю описал

Не один писатель,

Сексуальный фантаст,

Но об этом потом.

А пока мы каждую ночь

Продельвали в потолке небо

И занимались любовью

На всех языках нежности.

«Девочка-птица,

С ней было легко,

Но на таких не женятся», –

Думал я, и мы расстались.

С тех пор у меня было много потолков,

А неба с глазами лилового цвета

Больше не было.

С девушкой Анной,
Этой ночью почти Карениной,
Нежно пугаясь паровозных гудков,
Переплетались
В привокзальной гостинице,
Взросло играя
То в секс, то в любовь.
Врали на счастье,
Что звонить будем часто,
Видеться редко,
Чтобы однажды сорваться к морю
В забытое детство.
Вот и звоню,
Только в трубке
Какой-то сумасшедший машинист
Опять молчит голосом Льва Толстого.

Смешивали джаз с коньяком,
Нервно курили на балконе,
Импровизировали в постели.

Давай украдем продавщицу
Из винного вір-магазина
С бутылкой хорошего кьянти
И горьким, как жизнь, шоколадом.